

УДК 398 (=512.215)
DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-88-96

Г. С. Вртанесян

Центр изучения религий РГГУ (Москва)

Орокский фольклор: общее и особенное

Орокские фольклорные произведения, ранее практически не публиковавшиеся и не являвшиеся предметом исследования специалистов, стоят особняком в культуре тунгусо-маньчжуроязычных народов, что объясняется его положением языка-изолята (уйльта – около 300 человек – проживают на о. Сахалин), отчасти – климатическими условиями, отчасти – основными видами деятельности: ороки объединили в своей этнической культуре оленеводство, охоту и рыболовство.

В статье анализируются орокские фольклорные тексты из архивов К.А. Новиковой и Л.В. Озолини. Дан краткий обзор характерных сюжетов, выявлены общие черты (образы, мозаичность) с южно-тунгусскими и сибирскими текстами аналогичного содержания а также отмечена специфичность орокского фольклора.

Ключевые слова: ороки, фольклор, этиология, медвежий культ, жанровая структура, сюжетная структура, бинарный мир, демонология.

Орокский фольклор предметом специального изучения никогда не был. Источники довольно немногочисленны, а опубликованные можно пересчитать по пальцам. Это записи начала XX в. (несколько загадок и текстов с кратким переводом на польский язык), сделанные Б. Пилсудским [2001]. Записи Т.И. Петровой, сделанные до и после Великой Отечественной войны у студентов-ороков, обучавшихся в Институте народов Севера (ныне СПбГУ им. Герцена), приведены в работе «Язык ороков (уйльта)» [Петрова, 1967, с. 127–156]. Орокские сказки с описаниями походов лисы на русском языке представлены в сборнике «Сказки народов Севера» [Воскобойников, Меновщиков, 1951, с. 371–372]. Также сказка о проделках лисы на русском языке записана С.В. Березницким [2006, с. 28].

Но наиболее представительными являются полевые сборы К.А. Новиковой (записи 1949–1950 гг.), включающие 25 текстов с подробными русскими переводами¹, и Л.В. Озолини – автора «Орокско-русского словаря» [Озолиня, 2001], собравшей около 29 текстов². Из них введен в научный оборот только один текст: описание медвежьего праздника – одного из краеугольных камней экологической культуры народов Сибири и Дальнего Востока [Вртанесян, Озолиня, 2015, с. 15–22]. Работы зарубежных ученых Х. Ямамото [Jamamoto, 1961], Х. Ишиды [Ishida, 1910], Д. Икегами [Uilta oral literature..., 1963], в которых представлены образцы фольклора южных ороков, к сожалению, малодоступны.

¹ Новикова К.А. Полевые записи 1949–1950 гг.: В 4-х тетрадях (25 текстов) // Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск). Далее в статье приведены ссылки на эти материалы (Архив Новиковой) с указанием номера текста.

² Озолиня Л.В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на Северном Сахалине: В 6 тетрадях (29 текстов) // Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск). Далее в статье приведены ссылки на эти материалы (Архив Озолини) с указанием номера текста.

Вртанесян Гарегин Суренович – кандидат технических наук, консультант Центра изучения религий РГГУ. Контактная информация: пл. Миусская, д. 6, г. Москва, 125047, Российская Федерация. E-mail: veges2011@yandex.ru.

Этим, пожалуй, исчерпываются все источники орокского фольклора. Что касается текстов Ю.А. Сем и Л.А. Сем [Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю., 2011, с. 72–94], то они даны без оригиналов (см. по этому поводу замечание отв. редактора издания В.А. Тураева: [Тураев, 2011, с. 5]). Учитывая в целом небольшое число текстов, целесообразно использовать их все, начиная с этиологических и кончая демонологией.

Жанровые особенности орокского фольклора рассмотрены Л.В. Озолиной, выделившей в нем *тэлуңу* (*тэлуңгу*), *ниңма* (*нимңа*), *сахури*, *јаја* ~ *яйя* (изначально – шаманская песня, в настоящее время и необрядовая песня (личная и колыбельная); *хэе* ~ *хэдде* (хороводная песня), а также произведения паремиологических жанров: *гајаво* ~ *гајаво*, *нэнэвкэ* ~ *нэнэвкэ* (загадки), а также запреты [Озолина, 2014, с. 6]. Последние особенно часты в текстах, относящихся к медвежьему культу и медвежьему празднику.

Исследователи отмечают общность терминологии и жанровой группировки в фольклоре тунгусо-маньчжурских народов на всем Дальнем Востоке, включая о. Сахалин, что свидетельствует об общности фольклорной традиции, сложившейся в результате длительного взаимного обогащения [Фольклор удэгейцев..., 1998, т. 18, с. 21]. Анализ текстов и положение орокского как языка изолята [Миссонова, 2006, с. 35–46] дает возможность оценить степень сохранности ранних форм сюжетов. Если сопоставить орокский фольклор с айнским (как еще одним вероятным источником заимствования жанров и сюжетов), то окажется, что в орокском нет того жанрового разнообразия, которое свойственно айнскому фольклору [Новик, 2009, с. 45–56].

Целый ряд характерных сюжетов роднит орокский фольклор с южнотунгусским и общесибирским. Это этиологические мифы (медведь-предок), описание лесных духов (Кальдями), людоед Вертел (Силопу Бэгдини) и др. Кроме отмеченных сюжетов (этиологические, первоинцест), есть целый ряд других: «брат-неумеха», «младенец-демон», «трикстер и людоед», «лиса-трикстер», «лиса-вымогатель», «беспощадный охотник» и др.), имеющих параллели как в сибирской, так и в евразийской традиции.

Основные источники, использованные автором данной публикации, – это материалы, собранные в 1949–1950 гг. К.А. Новиковой (Архив Новиковой), и полевые записи 1986–2000 гг. Л.В. Озолиной (Архив Озолиной). В них представлены почти все перечисленные выше жанры. Автор работы вполне отдает себе отчет в отсутствии полноценной базы источников (особенно это относится к материалам по южным орокам), которая позволила бы расширить наши достаточно ограниченные представления об орокском фольклоре в целом, поэтому, не претендуя на исчерпывающую полноту, с благодарностью примет любые дополнения и указания, позволяющие хоть в какой то мере исправить это положение. Так как сравнение подразумевает использование огромного массива данных, то для экономии места приводятся ссылки на аналитический каталог «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» Ю.Е. Берёзкина и Е.Н. Дувакина, где имеется почти вся необходимая информация [Берёзкин, Дувакин].

1. Этиологические мифы. В этиологических сюжетах (два текста «Откуда появились ороки» – Архив Озолиной № 26, 31) мотив первоинцеста смыкается в различных вариациях с мифом о происхождении от медведя почти всех народов Приамурья и Сахалина. При этом такого сочетания – первоинцест и медвежий миф как возможность подчеркнуть двойственность образа медведя, его двуприродность – нет ни в фольклоре нивхов, с его весьма развитым культом медведя, ни в фольклоре айнов, хотя особую близость людей и медведей айны объясняли тем, что у них есть общий предок-герой, «полубог-получеловек» Яйресупо [Пилсудский, 1914, с. 146]. Можно предположить, что у ороков сохранился достаточно древний вариант мифа о первоинцесте, который был распространен в Приамурье и на Сахалине, хотя в нем нет образа удальца Егда, столь характерного для удэгейских и нанайских текстов.

Важное место, которое занимает образ медведя в этиологических мифах и связанный с этим обряд – медвежий праздник, – это отражение роли медведя в общественной идеологии. Заметим, что сюжет о первоинцесте не характерен для этиологических мифов западных и восточных тунгусов, например, эвенков; подробности рождения основателя рода обычно отсутствуют или туманны (подразумевается партеногенез). Богатыри Средней Земли, как правило, одиноки (Умун – Умусликон ‘один, одинокий’) или безродны, даже если имеют «не говорящие» имена (Мокигдын или Нивонинде) [Василевич, 1966, с. 214, 218]. Отражением высокой культовой роли медведя являются и описания медвежьего праздника, записанные с разрывом почти в полвека, но сохранившие практически неизменными описания деталей обряда (см. тексты: Архив Новиковой, № 20; Архив Озолиной, № 43–44).

2. Космогония. Природные реалии о. Сахалин, а именно высокая влажность атмосферы, которая является причиной повышенной дождливости летом и снежных буранов зимой (практически с октяб-

ря по май), приводят к высокой облачности и малому числу ясных дней. Но в то же время разветвленная речная сеть, формирующая бассейны крупных рек (Вал, Тым, Даги, Набиль и др.), впадающих в Охотское море, позволяет местным жителям удовлетворительно ориентироваться в пространстве, практически не используя небесные объекты (Орион, Плеяды), обходясь только Млечным путем и Большой Медведицей. Фактический материал (фольклорные тексты) не дает оснований говорить о существовании у них развитых космогонических представлений. В орокском фольклоре нет даже следов мифа о лишнем солнце, которые для восстановления естественного течения времени и хода вещей отстреливает меткий стрелок – богатырь *Хадо* ~ *Хадау* в мифологии народов Приамурья [Сем, 2015, с. 245–246]. Причина этого в целом понятна, так как Приморье и Приамурье являются северной окраиной ареала распространения сюжета «стрелок в солнце» [Берёзкин, Дувакин, мотив А37 с вариантами]. Климат в местах летних стоянок оленеводов (на побережье Охотского моря средняя температура летом часто не превышает 10–12 °С) не дает оснований для бытования мифологических представлений об избытке солнца.

Однако фольклор ороков сохранил редкий сюжет о появлении Млечного пути как осколков двух больших звезд (светил?), раздавленных лыжами Саңгимата-мэргэ. На их месте остались два созвездия: Большая и Малая Медведицы (Архив Озолини, № 49). Интересна этимология имени – белый небесный богатырь Сангимата (ср. с орок. *саңге* – ‘покрываться инеем’ [Озолиня, 2001, с. 292]) является символом начала зимнего сезона (по представлениям эвенков, например, зимний сезон начинается с появлением инея [Василевич, 1966, с. 245]). Соотнесение Млечного пути с началом зимнего сезона понятно – прозрачность атмосферы повышается при вымораживании избыточной влаги.

Близкий вариант сюжета отмечен только у сымских эвенков [Берёзкин, Дувакин, мотив А37]: шаман разбивает одно лишнее солнце, образуя тем самым скопление новых звезд (Плеяды?) на юго-востоке небосвода. Это может быть своего рода трансформацией летнего мифа о стрелке в лишнее солнце, укrywшемся в схроне, когда его функции по устройству мира и регулированию погоды переходят к лыжнику-бегуну. Орокские тексты не подтверждают существование космонима Млечного пути, как «лыжни охотника за лосем», что в принципе ожидаемо, учитывая отсутствие лосей на Сахалине. Название Млечного пути, отмеченное у амурских тунгусо-маньчжуров – *Одо Хоктони* ‘дедушкина дорога’ [Подмаскин, 2004, с. 96] или ‘путь героя (*Удзига*)’ [Подмаскин, 2011, с. 107], у ороков также отсутствует.

Нижний и Верхний миры. Персонаж с многозначительным именем Манга Мэрген ‘могучий богатырь’, следуя за катящимся обручем, попадает в Нижний мир и убивает человека, вытесывающего лыжи. Из них он делает убитому гроб, но, познакомившись с семьей убитого, оживляет его, и, взяв в жены его сестру, возвращается домой – см. *тэлуңгу* «Манга Мэрге» (Архив Новиковой, № 19, 2). В тексте «Земля мертвых» (Архив Озолини, № 35, вариант № 40) с почти идентичным сюжетом охотник в начале зимы, преследуя лису, через ее нору попадает в Нижний мир, встречает двух рыбаков и старика за починкой нарт (нарты как символ стыка двух сезонов: завершение летнего, рыбацкого и начало зимнего, промыслового). Выбор лисы, обычной в роли трикстера как медиатора между двумя мирами, понятен, с учетом времени года – начало зимнего сезона, выпадение первого снега.

Так же обыгран мотив «невидимого гостя» [Неклюдов, Новик, 2010, с. 393–408], который крадет юколу из Нижнего мира. По возвращении в Средний мир его ждет преждевременная смерть – как наказание за нарушение табу на рассказы о Нижнем мире. Но о запрете на попадании юколы или рыбы, взятой из котла обитателей Нижнего мира, в мир людей и возможном наказании за это смертью текст молчит. Это дает основания считать «зимнюю еду» наивысшей ценностью и стержневым понятием, вокруг которого строились не только сюжеты – см. *сахури* «Дембу» (Архив Новиковой, № 12), но также и некоторые космогонические образы, например, *Повле* ~ *Пэулен* ~ *Хэглэн* ~ *Повэлэ* ‘вешала (для вяления или копчения рыбы)’ [Аникин, 1990, с. 18–21], что стало орокским названием Ковша Большой Медведицы.

Для попадания в Верхний мир необходимо было выстрелить вверх и затем подняться по бечеве, привязанной к стреле – см. *сахури* «Богатырь» (Архив Новиковой, № 2). К небесным людям можно было попасть и принеся в жертву собаку – см. *сахури* «Девушка-лягушка» (Архив Новиковой, № 1), приобретая, по-видимому, тем самым способность к оборачиванию и, соответственно, перемещению между мирами.

В орокских текстах нет свидетельств о *буни* ‘земле мертвых’ как Нижнем мире, «обиталище душ», отсутствуют рассказы о путях «путешествия» души после смерти, подобные тем, которые встречаются в мифологии других народов Приамурья (например, предания о проводнике души в Мир мертвых *Омиа Мони* у нанайцев [Гаер, 2012, с. 93]). Отметим, что излишняя детализация устройства как Верхнего, так и Нижнего миров как мест обитания духов того или иного ранга в орокском фольклоре от-

сутствует. В орокском фольклоре не представлены и главные духи Верха и Низа, подобные, например, *Экиери* у эвенков или *Эндури* у нанайцев, не представлен, как уже отмечалось, и культурный герой *Хадо* – «устроитель мира», широко известный у нанайцев и орочей. Всех их заменяют у ультра духи-хозяева моря и тайги.

3. Бинарный мир (тайга – море). В тексте «Нерпа – владычица моря» [Петрова, 1967, с 142–143] нерпа требует от старика отдать ей его домашнего медведя-помощника. Получив его, она три года посылает старику богатую добычу – нерп. Карима – сын рыбы и человека с саблей, которая является аналогией плавника касатки (Архив Новиковой, № 7), убивает только медведей (противостояние моря и тайги), при этом убийство саблей – нарушение традиции, грех, медведей надо убивать стрелой. Финал – борьба медведя и Каримы на берегу моря, победителя нет, оба мертвы, что, видимо, символизирует равномошность обеих частей мира.

Мотив противостояния Низа (моря) и Верха (тайги) представлен и как борьба между моржом и медведем. В *тэлуңгу* «Богатырь из рода Ториса» богатырь Ториса убивает моржа, спасая медведя (Архив Новиковой, № 15). Ночью богатырь видит во сне человека, наказывающего ему не заниматься морской охотой на нерп. Спустя некоторое время в горах (!) на него нападает морж («хозяин моря»), однако богатырю удается заманить моржа в ловушку (развилка дерева), чтобы заключить мировую и получить позволение на морскую охоту. Вероятно, в данном сюжете *Дото* – медведеподобный хозяин Верхнего мира (горная тайга) противопоставлялся *Тэму* – духу-хозяину моря [Озолина, 2001, с. 367], причем подчеркнута древность, исконность охоты и ее изначальное противопоставление добыче морского зверя.

4. Беспощадный охотник. В тексте «Хониракку» (Архив Новиковой, № 3) герой – истребитель лесного зверья. Трансформированный сюжет о суперохотнике представлен в вариантах орокского текста «Младший брат» (Архив Новиковой, № 8, 9), когда старший и средний братья обманом заманивают и оставляют своего младшего брата – удачливого охотника, добывающего много зверья, на острове с птицами (аллегория иного мира), на котором нет зверей, т.е. сложно прокормиться и выжить.

Сюжет имеет прямые аналогии в удгейском фольклоре [Кормушин, 1998, с. 193–198], например, в предании «Хуту мафа» [Фольклор удгейцев..., 1998, с. 223–227, 388] суперохотника, без меры опустошающего тайгу, собственные родители заколачивают в «лодку-гроб» вместе со всякими гадами (змеями, лягушками и т.п.), а потом посылают лодку вниз по течению реки (Нижний мир). Подобное нехарактерное для коренных народов отношение охотника к «тайге-кормилице» объясняется тем, что в него вселяется дух-«дьявол», когда он вынимает стрелу из тела подстреленной им «птицы дьявола» – железной птицы Кори [Там же, с. 362–364]. Это и молодой, но великий охотник Ванда, истребляющий без меры лесное зверье в фольклоре нанайцев [Березницкий, 2003, с. 453]. Аналогичные образы известны в Южной Сибири у тувинцев, ойратов, алтайцев и в Монголии у дархатов и халхасцев [Березкин, Дувакин, мотив А37В].

В орокском варианте «мотив пальца» как основа сюжета отсутствует или изменен до неузнаваемости: Хониракку перед охотой «надевает» медвежьи когти. В удгейском варианте соотношение «целого» (охотник) и «части» (безымянный или указательный палец) формально совпадает с монгольско-тюркскими аллюзиями: большой палец как обязательная часть руки мужчины-лучника. Однако фактически мотив также варьирует: носителями характерных свойств мужчины являются пальцы, не имеющие отношения к стрельбе из лука, например, мизинец – хранитель души [Фольклор удгейцев..., 1998, с. 388] или безымянный. То же отмечается в варианте с нанайским шаманом Чолинга, который, отрезав свой безымянный палец, теряет бессмертие [Нанайский фольклор..., 1996, с. 399]).

5. «Странный» младший (последний) брат. Этот образ встречается в орокском фольклоре в текстах «Дьявол женщина», «Младший брат», и «Дембу» (Архив Новиковой, № 8, 9, 12). Образ амбивалентный: в одном случае он охотник-неумеха и соня (Архив Новиковой, № 8), в другом – удачливый охотник, в отличие от старших братьев, добытчик, отличающийся великодушием и добротой (прощает бросивших его на голодную смерть братьев, привозит им еду и т.п.) (Архив Новиковой, № 9). В тексте «Дембу» «странный» младший брат Удэ ленив и бестолков: он отпускает попавшего в силки зайчика, попадает на краже ююлы у старухи, за что сильно ею побит и спасен от смерти братом, но зато удачно похищает зимнюю еду – ююлу у старика-шамана, избежав наказания (очевидные параллели с нганасанским Дяйку), но не получив за свою лень и бессердечие награды, за которой отправлялся – жены (Архив Новиковой, № 12).

6. Героический эпос. В фольклоре уйльта трудно выделить какие-либо сложившиеся образцы героического эпоса, отвечающие в полной мере характеристикам этого жанра. Но с учетом объективных факторов, и, в первую очередь, численности ороков, на него вполне мог бы претендовать сюжет с *Гевхату* (первая запись сделана Т.И. Петровой в 1937 г. [Петрова, 1967, с. 145], вторая – К.А. Новиковой в 1949 г. (Архив Новиковой, № 5) и последняя – Л.И. и Ю.А. Сем в 2011 г. [Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю., 2011, с. 158]). Сюжет блочный. Этимология имени *Гэвхэту* ~ *Гевхато* ‘нищий, попрошайка’, он безроден, беден и одинок. Но для спасения похищенной чертом дочери хозяйки города выбирают именно его. Путешествие в Нижний мир, убийство черта, спасение девушки, предательство товарищей, долгий выход в Верхний мир (в реальную жизнь), наказание предателей, опознание его девушкой по кольцу и женитьба на ней – спасенной дочери хозяйки города, счастливая совместная жизнь, причем после победоносной войны с ее матерью. Основная линия повествования выдерживается, несмотря на мозаичность сюжета, который имеет параллели во многих сибирских текстах, например, в удэгейском фольклоре сюжет о *Гэнтэи* – неудачнике и пленнике черта, спасенном неузнанным сыном [Фольклор удэгейцев..., 1998, с. 163–171, 375]). Характерна символика орокского текста: возвращение в дом черта, живая и мертвая вода, оживление похищенного чертом ребенка, возвращение его родителям-духам и получение в обмен идола-оберега и т.п..

В орокском фольклоре можно выделить также фрагменты сюжетов, которые вполне соответствуют канонам героических преданий о богатырях: например, чудесное зачатие мальчика *Буктану* (образ будущего героя-мстителя), родившегося в отсутствие отца, от которого он получает в подарок сброшенную с Неба одежду и оружие, сделанное самим отцом [Архив Новиковой, № 6], но они, как правило, не имеют развития и завершения.

7. «Трикстер и людоед». Один из наиболее значимых сюжетов северо-азиатского фольклора – это «трикстер и людоед». В фольклоре ороков трикстерские сюжеты, связанные в основном с похищением зимней еды (или пушнины) у черта, или у старухи-шаманки, или у старика-духа из Нижнего мира являются либо основой повествования (например, в *тэлуңгу* «Дембу» – Архив Новиковой, № 12), либо вкраплены в сюжет (например, в *сахури* «Мужичок» – Архив Новиковой, № 11; *тэлуңгу* «Богатырь Пуна» – Архив Новиковой, № 16 и «Земля мертвых» – Архив Озолини, № 35; и др.).

Вся палитра сибирской демонологии нашла свое отражение в орокском фольклоре. Один из наиболее распространенных вариантов сюжета «трикстер и людоед» в евразийском фольклоре – это великан-людоед, приносящий домой в мешке маленького трикстера, попавшего в его ловушку [Березкин, Дувакин, L62]. Хотя собственно детали, например, мешок (торба, кузовок), в котором людоед приносит трикстера, не упомянуты, все остальные сюжетные ходы узнаваемы: ловушки для подследоватого людоеда (кал, пенек и др.), побег трикстера, погоня за трикстером полуслеплого людоеда («Богатырь Пуна»), убийство детей людоеда («Кочевая семья Дэптири» – Архив Озолини, № 34) и др.

Другие образы сибирской демонологии, например, *Кальдыми*, Нога-Вертел (*Силопу Бэгдини*) [Березницкий, 2003, с. 249–261; Нанайский фольклор..., 1996, с. 423] и другие, также представлены в орокском фольклоре. При этом в них в той или иной степени отражены мотивы медвежьего мифа и культа (*тэлуңгу* «Лесной царь» – Архив Озолини, № 52).

Очень важную часть трикстерского цикла составляют сюжеты с участием лисицы, либо похищающей еду, либо вымогающей ее угрозами (лиса как источник мнимой угрозы) и т.п., с обязательным наказанием за это – унесением на морской остров и изоляцией (Архив Озолини, № 35–38, 46–48; [Березницкий, 2003, с. 77]). Это общеевразийский сюжет, отмечающийся в Южной Сибири в фольклоре хакасов, челканцев, тувинцев; в Восточной Сибири – у эвенков, эвенов, якутов, долган; в Западной Сибири – у ненцев, нганасан; в Приамурье – у удэгейцев, нанайцев, негидальцев, орочей, а также в Монголии – у монголов, бурят, дархатов (подробнее см.: [Березкин, Дувакин, мотив M85]).

Выводы. Отличительная особенность почти всех орокских текстов – блоковая структура, мозаичность, многосюжетность, причем сюжеты зачастую не связаны друг с другом. В корпусе орокских текстов явственно выделяются общетунгусские сюжеты, например, южнотунгусские (первоинцест и *Кальдыми*) и евразийские (о младшем брате-неумехе, младенце-демоне, лисе-трикстере, паре людоед и трикстер, о беспощадном охотнике). В орокском фольклоре нет героя-стрелка, убившего лишние солнца, или удальца Егда (Егдигэ), которые хорошо известны народам Амура. Еще одна особенность фольклора ороков – «олений дух», олени выступают как квинтэссенция их бытия (например, исчисление богатства именно количеством оленей, возможность откупиться от черта, чтобы возвратиться домой, белым или пестрым оленем и т.п.). Выраженное отрицательное отношение к рыболовству («кал» или «глисты» людоеда), но не к рыбе является общим как для ороков, так и для эвенков [Васи-

левич, 1969, с. 80]. Обычно ороки, отпустив оленей на вольный выпас, летовали по берегам рек или на морском побережье, занимаясь именно рыбной ловлей, а позднее – добычей морского зверя. При этом зимний запас еды в виде юколы является важным элементом выживания и тем стержнем, вокруг которого развиваются многие сюжеты, связанные с воровством, наказанием и даже смертью. Высокая роль культа медведя выявляется из этиологических мифов и космогонии (медведь – символ таежного мира), а также медвежьего праздника.

Список литературы

- Аникин А.Е.* К типологии названий Большой медведицы в языках Сибири // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1990. Вып. 3. С. 18–22.
- Берёзкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 12.05.2018).
- Березницкий С.В.* Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амурсахалинского региона. Владивосток, 2003.
- Березницкий С.В.* Космос мифа: представления коренных народов амурсахалинского региона о Вселенной, человеке и сверхъестественных существах // Словесница искусств. 2006. № 17. С. 26–31.
- Воскобойников М.Г., Меновицков Г.А.* Сказки народов Севера. М.; Л., 1951.
- Василевич Г.М.* Исторический фольклор эвенков. М.; Л., 1966, 400 с.
- Василевич Г.М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII–XX вв.). Л., 1969. 304 с.
- Вртанесян Г.С., Озолия Л.В.* Медвежий праздник ороков-ульта. Общее и особенное // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 15–22.
- Гаер Е.А.* Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. Хабаровск, 2012. 142 с.
- Кормушин И.В.* Удыгейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
- Миссонова Л.И.* Уйльта Сахалина. Большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.
- Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу.* Вступ. ст. Н.Б. Киле, Л.Е. Фетисовой. Подгот. текстов, пер., коммент. и указатели Н.Б. Киле. Ред. пер. В.С. Кузнецова. Музыковед. ст. и нотные записи Т.Д. Булгаковой. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 11).
- Новик Е.С.* Жанровое пространство фольклора айнов // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика. 2009. Вып. 9. С. 44–58.
- Озолия Л. В.* Орокско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 421 с.
- Озолия Л.В.* О жанровой структуре фольклора ороков (ульта) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 5–10.
- Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Ленинград: Наука, 1967. 156 с.
- Пилсудский Б.* Орокско-польский словарь // Материалы по изучению языка и фольклора ороков. Стеншев, 2001. 126 с.
- Пилсудский Б.* На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. 1914. Вып. 1–2. С. 67–160.
- Подмаскин В.В.* Космография тунгусо-маньчжуров и нивхов // Вестник ДВО РАН. 2004. № 1. С. 94–105.
- Подмаскин В.В.* Народные знания ороков (ульта) // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 107–113.
- Сем Т.Ю.* Картина мира тунгусов. Пантеон. Семантика образов и этнокультурные связи. Серия: Ethnographica Varia. СПб., 2015.
- Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю.* Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. Фольклор ульта (ороков) // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Том XIV: Этнографические исследования 155 с.
- Тураев В.А.* Предисловие ответственного редактора. К изданию: Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. Фольклор ульта (ороков) // Труды института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Том XIV: Этнографические исследования. С. 1–5.

Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост., вступ. ст., коммент. и словарь Е.П. Лебедевой, М.М. Хасановой, В.Т. Кялундзюга, М.Д. Симонова. Подгот. текстов, рус. пер. М.Д. Симонова, В.Т. Кялундзюга. Музыковед. ст. и нотные записи Ю.И. Шейкина, О.А. Шейкиной. Новосибирск: Наука. 1998. 561 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 18).

Iatamoto I. Orok folk Tales. Токуо, 1961. (на япон. яз).

Ishida S. Tales of Orok-Ainu wars, 1910. (на япон. яз.).

Uilta oral literature (A Collection of Texts) translated and annotated by Jiro Ikegami. Sapporo: Hokkaido Board Education. Hokkaido Government Office, 1984. 100 p.

Архивные материалы

Архив Новиковой – Новикова К.А. Полевые записи 1949–1950 гг.: В 4-х тетрадях (25 текстов) // Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск).

Архив Озолини – Озолина Л.В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на Северном Сахалине: В 6 тетрадях (29 текстов) // Архив Института филологии СО РАН (Новосибирск).

G. S. Vrtanesjan

*Centre for the study of religions, Russian state university for the humanities,
Moscow, Russian Federation; veges2011@yandex.ru*

Orok folklore: general and special

The paper analyzes folklore of Oroks (Uilta). In the folklore culture of the Tungus-Manchu-speaking peoples, the folklore of the Oroks (Uilta) stands apart. This is partly due to its position as an isolate language (a small group of Uilta – about 300 people – live on Sakhalin Island surrounded by Nivkhs and Sakhalin Evens, in the 18th and early 19th centuries - Ainu, and now - Russians), partly – to the climatic conditions, in part - to the the main activities: Oroks united in their ethnic culture reindeer breeding, hunting and fishing. Researchers note the commonality of terminology and genre grouping in the folklore of the Tungus-Manchu peoples in the entire Far East, including the island of Sakhalin, which testifies to the common folklore tradition formed as a result of long mutual enrichment [The Folklore of the Udege..., 1998, p. 21].

The analysis of texts and the position of the Oroks as an isolate language [Missonova, 2006, pp. 35–46]) provides an opportunity to estimate the survival rate of the early forms of plots. When comparing the Orok folklore with the folklore of Ainu (as another possible source of borrowing genres and plots), it turns out that in the Orok folklore there is no genre diversity that is characteristic to the Ainu folklore [Novik, 2009, pp. 45–56]. A whole series of characteristic plots connects the Orok folklore with the South Tungus and other Siberian peoples. These are etiological myths (a bear ancestor), a description of the forest spirits (Caldi), the ogre named Roasting jack (Silopu Bagdini), etc. In addition to the noted (etiological, primitive) plots, there are a number of other plots: "the brother-dabster", "the baby- demon" , "a trickster and a cannibal", "fox-trickster", "fox-ramper", "merciless hunter", "young avenger", etc.), having parallels in both the Siberian and Eurasian traditions. The proposed work is devoted to the study of the similarity of the plots of the common and Orok folklore texts. The main sources used by the author are materials collected by K. Novikova (Archive of Novikova, 1949–1950) and field records by L.V. Ozolina (Archive of Ozolina, 1986–2000). The records represent almost all of the above genres.

The author of the work is fully aware of the lack of a full-fledged database of sources (especially this applies to the southern Oroks), which would allow us to expand our rather limited ideas about the folklore of the Oroks in general. Since the comparison involves the use of a huge array of data, to save space, references are given to the Analytical catalog of fairy-tale plots by Yu.E. Berezkin and E.N. Duvakin, where there is almost all necessary information.

Keywords: Oroks, folklore, etiology, bear cult, genre structure, plot structure, binary world, demonology.

References

Anikin A.E. K tipologii nazvanij Bol'shoj medvedicy v yazykah Sibiri [To the typology of the names of the Ursa Major in the languages of Siberia]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Istoriya, filologiya i filosofiya [Proceedings of SB AS USSR. Ser. History, Philology and philosophy]*. 1990, iss. 3, pp. 18–22.

Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: Analiticheskij katalog. Elektronnyj resurs [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by area: Analytical catalog. Electronic resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>. (data obrashcheniya 12.05.2018).

Bereznickij S.V. *Ethnicheskie komponenty verovanij i ritualov korennyh narodov amuro-sahalinskogo regiona* [Ethnic components of the beliefs and rituals of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region]. Vladivostok, 2003, 485 p.

Bereznickij S.V. Kosmos mifa: predstavleniya korennyh narodov amuro-sahalinskogo regiona o Vselennoj, che-loveke i sverh"estestvennyh sushchestvah [The Space of Myth: the vision of the indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region of the Universe, man and supernatural beings]. *Slovesnica iskusstv* [Slovesnica of arts]. 2006, no. 17, pp. 26–31.

Fol'klor udehgejcev: nimanku, tehlungu, ekheh [The Folklore of the Udege: Nimanku, Talungu, Ehe]. Comp. E.P. Lebedeva, M.M. Hasanova, V.T. Kyalundzyuga, M.D. Simonov. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, vol. 18, 556 p.

Iamamoto I. *Orok folk Tales*. Tokyo, 1961. (in Jap.)

Ishida S. *Tales of Orok-Ainu wars*. Tokyo, 1910. (in Jap.)

Gaer E.A. *Tradicionnaya bytovaya obryadnost' nanajcev v konce XIX – nachale XX v.* [Traditional household rituals of the Nanai in the late nineteenth and early twentieth centuries]. Khabarovsk, 2012, 142 p.

Kormushin I.V. *Udyhejskij (udehgejskij) yazyk* [Udege (Udege) language]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 320 p.

Missonova L.I. *Ujl'ta Sahalina. Bol'shie problemy malochislennogo naroda* [The Uilta On the Sakhalin. Big problems of a small people]. Moscow, 2006, 289 p.

Nanajskij: fol'klor Ningman, siohor, tehlungu [The Nanaian Folklore: Ningman, Siokhor, Telungu]. Comp. N.B. Kilé, T.D. Bulgakova, L.E. Fetisova. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1996, vol. 11, 479 p.

Novik E.S. Zhanrovoe prostranstvo fol'klora ajnov [Genre space of the folklore of the Ainu]. Vestnik RGGU. Ser. Filologicheskie nauki. Literaturovedenie. Fol'kloristika. [Gerald RSUH. Ser. Philol. science. Literary study. Study of folklore]. 2009, iss. 9, pp. 44–58.

Ozolinya L. V. *Oroksko-russkij slovar* [Orok-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2001, 421p.

Ozolinya L.V. O zhanrovoj strukture fol'klora orokov (ul'ta) [On the genre structure of Orok (Uilta) folklore]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian philological journal], no. 2, 2014, pp. 5–10.

Petrova T.I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Orok (Uilta) language]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, 155 p.

Pilsudskij B. Oroksko-pol'skij slovar' [Orok-Polish dictionary]. *Materialy po izucheniyu yazyka i fol'klora orokov* [Materials on the study of language and Orok folklore]. Sęszew, 2001, 126 p.

Pilsudskij B. Na medvezh'em prazdnike ajnov o. Sahalina [At the bear fest of the Ainu of the Sakhalin island]. *Zhivaya starina* [Live antiquity], 1914, iss. I – II, pp. 67–160.

Podmaskin V.V. Kosmografiya tunguso-man'chzhurov i nivhov [Cosmography of the Tungus-Manchurian and Nivkh]. *Vestnik DVO RAN* [Gerald DVO RAS]. 2004, no. 1, pp. 94–105.

Podmaskin V.V. Narodnye znaniya orokov (ujl'ta) [Orok (Uilta) folk knowledge]. *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific]. 2011, no. 1, pp. 107–113.

Sem T.Yu. *Kartina mira tungusov. Panteon. Semantika obrazov i ehtnokul'turnye svyazi* [The picture of the world of Tungus. The pantheon. The semantics of the images, and ethnic and cultural ties]. Saint-Petersburg, 2015, 640 p.

Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. Materialy po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar'. Fol'klor ul'ta (orokov) [Materials on traditional culture, folklore and language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian dictionary. Folklore of the Uilta (Oroks)]. *Trudy instituta istorii, arxeologii i e'tnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, vol. XIV: *E'tnograficheskie issledovaniya* [Ethnographic researches], 155 p.

Turaev V.A. Predislovie otvetstvennogo redaktora [Foreword of the executive editor]. In: Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. Materialy po tradicionnoj kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialektologicheskij oroksko-russkij slovar'. Fol'klor ul'ta (orokov) [Materials on traditional culture, folklore and language of the Oroks. Dialectological Orok-Russian dictionary. Folklore of the Uilta (Oroks)]. *Trudy instituta istorii, arxeologii i e'tnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, vol. XIV: *E'tnograficheskie issledovaniya* [Ethnographic researches], pp. 1–5.

Uilta oral literature (A Collection of Text) translated and annotated by Jiro Ikegami. Sapporo, Hokkaido Board Education, 1984. (in Jap.)

Vasilevich G.M. *Istoricheskij fol'klor ehvenkov* [Historical folklore of Evenks]. Moscow, Leningrad, 1966, 399 p.

Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki (XVII–XX vv.)* [Evenks. Historical and ethnographic essays (XVII–XX centuries)]. Leningrad, 1969, 305 p.

Voskoboynikov M.G., Menovshchikov G.A. *Skazki narodov Severa* [Tales of the Peoples of the North]. Moscow, Leningrad, 1951, 669 p.

Vrtanesyan G.S., Ozolinya L.V. Medvezhij prazdnik orokov-ujl'ta. Obshchee i osobennoe [The Oroks-Uilta Bear fest. General and special]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian philological journal], 2015, no. 4, pp. 15–22.

Archival materials

Arhiv Novikovej – Novikova K.A. Polevy`e zapisi 1949–1950 gg.: V 4-x tetradyax (25 tekstov) [Archive of K.A. Novikova. Field records of 1949–1950: in 4 notebooks (25 texts)]. *Arhiv Instituta filologii SO RAN (Novosibirsk)* [Archive of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)].

Arhiv Ozolini – Ozoliny L.V. Polevy`e zapisi, sdelanny`e vo vremya e`kspedicij 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 gg. na Severnom Saxaline: V 6 tetradyax (29 tekstov) [Archive of L.V. Ozoliny. Field records made during the expeditions of 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 on Northern Sakhalin: in 6 notebooks (29 texts)]. *Arhiv Instituta filologii SO RAN (Novosibirsk)* [Archive of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)].